

ствовали себя в магазинах, переполненных японской техникой, не слишком комфортно. Время шло. Транзисторы сменились японской электроникой, бытовой техникой и автомобилями. Вскоре японцев начали постепенно теснить китайцы и корейцы. Процесс поддерживался переносом рабочих мест из США в Юго-Восточную Азию. Сравнение Трампа с Гитлером, столь популярное среди простых американских демократов, можно понять: лозунги «Америка превыше всего!» и «Сделаем США снова великими!» эксплуатируют примерно те же чувства, что и протесты в Веймарской республике против несправедливости Версальского договора после Первой мировой. Впрочем, следует понимать всю формальность подобного сходства: это война торговая, а не обычная. В отличие от обычной здесь все «несправедливости» причиняются не грубой физической силой, а культурным торговым обменом, искажаемом в своих очень разнообразных интересах национальными правительствами. Здесь нет армий, подчиняющихся власти, да и торговые союзы совсем не похожи на военные.

К открытым военно-торговым действиям мир перешел в начале июня 2018 года — после того как Дональд Трамп со скандалом отказался подписывать коммюнике G7 по итогам саммита, обвинив канадского премьер-ми-

нистра Джастина Трюдо во лжи и лицемерии. И возможно, довольно справедливо. Ведь Канада — один из крупнейших торговых партнеров США — слывет практически европейскими методами «защиты» собственного рынка пошлинами от любого импорта. На месте Канады призывать мир отказаться от протекционизма можно только с большой долей цинизма.

Впрочем, у партнеров по G7 в этом смысле рыльце в пуху у всех. С точки зрения глобальных рынков смысл Brexit — в выходе Великобритании из ЕС как торгового союза, уничтожающего внутренние границы ради самого разнородного протекционизма, какой только можно себе представить. К слову, сама Великобритания при этом тот еще образец защиты свободной торговли.

За неделю до нынешнего саммита G7 безуспешно закончились и главные переговоры, призванные отодвинуть угрозу «мировой торговой»: в КНР работали переговорщики из США. Закончилось все введением США пошлин сна-

чала на \$100 млрд, а затем — на все \$200 млрд в год и ответными мерами Китая. Причем КНР в этой диспозиции практически сразу оказывается в шаге от поражения, поскольку ее импорт из США сравним с объемами вводимых ограничений, а вот экспорт в США китайских товаров — много больше.

Итак, США борются за свободу торговли, повсеместно и радикально ее ограничивая или угрожая ограничить. Разумеется, не самый разумный способ добиваться отмены торговых границ, но уж какой есть. Дональд Трамп, кстати, применяет этот метод и в политике. Успехи, достигнутые Трампом в дипломатии с КНДР, достигались по той же схеме. Результат явно убедил американского президента в том, что средства для достижения целей выбраны верно. Правда, выход в 2017 году из Транстихоокеанского партнерства США особых выгод не принес. Но это ведь война! И тут с выгодами дела обстоят иначе: они становятся известны только по итогам будущего мирного договора.

Совершенно неважно, на чьей стороне играет Россия

Зачем же России во всем этом участвовать? Ведь в торговых войнах бессмысленно говорить «мы присоединились к ЕС и Китаю» (здесь можно воевать только на своей стороне). Кстати, к ЕС и Китаю у России торговых претензий, прямо скажем, существенно больше, чем к Соединенным Штатам, с которыми торговый оборот у нас много меньше. Смысл маневра, безусловно, есть, и пошлины против США — довольно рациональное решение: это позволит России в будущем воспользоваться плодами мира, особенно в том случае, если она действительно является сторонником свободы торговли (а ведь РФ, если не считать фитосанитарных геополитических шалостей, — довольно последовательный сторонник свободы торговли).

Нынешняя мировая война особо затянуться не обещает: судя по темпам, с которыми взялись повышать пошлины ее участники, к 2019 году мировая торговля будет полностью парализована без каких-либо выгод для воюющих сторон. Все стороны конфликта это понимают. Финальные переговоры должны включать, по всей видимости, реформирование ВТО и общее довольно радикальное торговое «разоружение», то есть отказ от «большого» протекционизма и переход к конкуренции за инвестиции почти исключительно налоговыми методами.

Совершенно неважно, на чьей стороне играет Россия. В первую очередь ее выигрышем в «мировой торговой» может быть открытие новых рынков для ее агроэкспорта, а также снятие ограничений на экспорт химической и металлургической продукции. Возможно, следует ожидать либерализации условий мировой торговли в автопроме. А вот нефти и газа происходящее вряд ли коснется. Выиграть при этом Россия может в торговле не с США, а с Евросоюзом. Рассчитывать на открытие рынков Китая даже в этом случае вряд ли разумно.

И в целом это скорее хорошие новости. Да, войны торговые, впрочем, как и все войны, никому не выгодны в принципе — за них ведь всем придется платить (в том числе российскому потребителю). Но в отличие от войн обычных тут никого не убивают, а итоги баталий в любом смысле продуктивнее.

В конце концов, с большой долей вероятности Дональд Трамп прав: пошлины в нынешнем их виде необходимо отменить. И если для этого нужно ввести стократные пошлины на все — да здравствует торговая война! Наше дело правое, мы хорошо заработаем! ●